

Изделия из бивня мамонта в Якутии XVIII века (по материалам погребальных памятников)

А.Н. Прокопьева^a, А.А. Слепцова^b

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
ул. Петровского, 1, Якутск, Республика Саха (Якутия)

^a sendiele@gmail.com, ^b aytalina92s@gmail.com

Статья поступила 01.09.2020, принята 14.09.2020

Статья посвящена исследованию изделий из бивня мамонта в якутских погребениях XVIII в. Работа основана на литературных и архивных источниках, а также на коллекциях музейных собраний. Анализ изделий из бивня мамонта показал, что они не были широко распространены среди якутов. Это могло быть связано тем, что в религиозных представлениях народов Якутии мамонт имел негативный окрас. Выявлено два направления резьбы из бивня мамонта в XVIII в. Первое направление было основано на традициях и техниках местной резьбы, второе – на подражании северной русской школе.

Ключевые слова: Якутия; мамонтовая кость; косторезный промысел; погребальные памятники; сопроводительный инвентарь.

Products from a mammoth tusk in Yakutia in the XVIII century (based on the materials about burial sites)

A.N. Prokopieva^a, A.A. Sleptsova^b

The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the RAS;
1, Petrovsky St., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia)

^a sendiele@gmail.com, ^b aytalina92s@gmail.com

Received 01.09.2020, accepted 14.09.2020

The article is devoted to the study of articles made of a mammoth tusk in Yakut burials of the 18th century. The work is based on literary and archival sources, as well as on the museum collections. Analysis of products made from a mammoth ivory has shown that they were not widespread among the Yakuts. This could be due to the fact that the mammoth excited a negative attitude in the religious beliefs of the peoples of Yakutia. Two directions of carving from the mammoth ivory in the 18th century have been revealed. The first direction was based on the traditions and techniques of local carving, the second - on the imitation of the northern Russian school.

Keywords: Yakutia; mammoth bone; bone-cutting industry; burial sites; accompanying inventory.

Мамонтовый промысел, ввоз и вывоз сырья из России и изготовление изделий из бивня становятся актуальными вопросами арктической зоны России и Якутии в частности. Обсуждаются как практические, так и теоретические стороны этой проблемы. Одной из интересных тем является вопрос: насколько традиционными и исконными являются добыча бивня мамонта и изготовление из него бытовых и художественных изделий? При обсуждении этой темы в контексте якутской культуры чаще всего обращаются к этнографическим материалам и декоративно-прикладному искусству, часто не включая в источниковую базу данные археологических исследований. Между тем, на данный момент исследовано свыше 300 погребальных памятников, датированных XVII–XVIII вв.

Анализ сопроводительного инвентаря погребений показал, что среди большого количества деревянных, металлических и костяных изделий встречаются предметы, выполненные из бивня мамонта. Мы предполагаем, что количество и характер изделий из погребений, техника и качество выполнения могут свидетельствовать об уровне освоения материала местными мастерами.

Изделия из бивня мамонта в якутских погребениях. По данным Р.И. Бравиной, в 69 % от общего числа грунтовых погребений XV – начала XIX вв. Якутии присутствуют предметы сопроводительного инвентаря. Чаще они встречаются в мужских и женских погребениях (78 и 68 % соответственно), реже в детских (57 %) [1, с. 99]. Комплекс предметов сопроводительного инвентаря, как правило,

состоял из костюма, личных и бытовых предметов, орудий охоты и вооружения, конского снаряжения, культовых предметов и погребальной пищи. По составу инвентаря, материалу и качеству его выполнения можно строить предположения о статусе погребенного, его занятиях и профессиональной принадлежности.

Для выявления изделий из бивня мамонта в погребениях нами были изучены музейные коллекции Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Е. Ярославского, музея археологии, этнографии и высшей школы Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, архивные материалы (полевые отчеты из научно-отраслевого архива Института археологии РАН, дневники, протоколы вскрытия могил из фондов Национального архива Республики Саха (Якутия)) и опубликованная литература. В итоге было зафиксировано обнаружение 14 предметов из бивня мамонта в 13 погребениях из общего числа погребальных памятников, датируемых XVII–XVIII вв. и исследованных археологами. Выборка основана на наличии точного определения материала изготовления предмета. Все изделия относятся к предметам личного характера и представляют собой следующие изделия: гребни, головки курительных трубок, набалдашники трости, ложки, застежка пояса и две палочки невыясненного назначения. В ходе изучения музейных коллекций нами было выявлено, что не все предметы сохранились в музейных коллекциях, часть из них известна только по отчетам исследователей.

Расчески и гребни. Расчески для волос во многих культурах наделяли знаковой символикой, связанной с магией волос [2, с. 147]. На данный момент трудно сказать, несли ли они знаковую символику в контексте погребального обряда якутов XVII–XVIII вв., но деревянные и костяные гребни встречаются в мужских и женских погребениях. Среди них выделены гребни из бивня мамонта в количестве 5 экз. Гребни были обнаружены на погребениях Елечей I Мегино-Кангаласского района, Шаманское дерево III Чурапчинского района [3, с. 102, 103], Сангар Кобяйского района [4, с. 73], Батыялах I и Кёбёнг Оленекского района [5]. Все гребни являются рамочными гребнями (крайние зубцы шире) двустороннего типа. Гребни имеют трапециевидную форму, где на верхнюю, более узкую часть приходятся редкие крупные зубцы, а на нижнюю, более широкую — частые мелкие. Размеры гребней варьируются от 6 до 7,5 см в высоту, в самой широкой части — от 6,6 до 7,5 см; в узкой части — от 6 до 7,2 см. Количество крупных зубцов — 18–20 шт.; мелких зубцов — до 60 шт. На поверхности изделий прочерчены разметочные линии, иногда служащие декором (Шаманское

дерево I). У гребня из погребения Елечей I боковые стороны имеют фигурные грани, оформленные выемками и насечками. Судя по материалам Алазейского и Стадухинского острогов, эти гребни имеют русское происхождение [6, с. 46–48]. Об этом же свидетельствуют сибирские материалы [7]. Видимо, под влиянием русских традиций в якутской культуре XVIII–XIX вв. были распространены аналогичные двусторонние гребни. Следует отметить, что сюжеты, связанные с семантическим статусом расчесок в якутской культуре, являются заимствованиями из русской культуры [8, с. 217].

Топография гребней внутри гроба известна только в трех случаях. В частично разрушенном погребении Сангар Кобяйского района гребень был обнаружен внутри берестяного сосуда, расположенного у ног погребенного. Внутри сосуда, кроме гребня, были помещены ножницы и медное кольцо. В богатом погребении Елечей I в Мегино-Кангаласском районе у ног погребенной была обнаружена дорожная сумка с большим количеством содержимого. В числе прочих вещей была деревянная коробочка для хранения предметов рукоделия, внутри которой находились берестяное лекало, куски меха, нанизанный на нить бисер белого и черного цвета, металлический наперсток и гребень из бивня мамонта. В данном контексте есть вероятность того, что гребень использовался не как предмет гигиены, а служил инструментом для расчесывания сухожильных нитей или конского волоса. В погребении Шаманское дерево III в Чурапчинском районе гребень был найден на левой части грудной клетки погребенной. Гребень был в деревянном футляре и, судя по отпечатку ткани на поверхности футляра, был помещен внутрь кафтана. Судя по сохранившимся антропологическим материалам и сопроводительному инвентарю, все указанные погребения с гребнями были женскими.

Головки курительных трубок. Курительные трубки, распространенные на территории Якутии XVIII–XIX вв., являются составными: деревянный чубук из двух половин, отдельная металлическая или костяная головка, кожаный ремень для обмотки чбука. В этнографической литературе эти трубки известны как «ременные» и по типологии А.В. Шаповалова относятся к 4-му, или «американскому», типу курительных трубок Сибири [9]. В якутских погребениях XVIII в. чаще всего встречаются трубки с металлической головкой. Головки из мамонтовой кости были обнаружены в трех погребениях: Шаманское дерево I и III в Чурапчинском районе и Ордеген I в Нюрбинском районе. Все изделия однотипные и аналогичны металлическим, состоят из чаши и широкого основания-ножки. Высота — 2,3–3,2 см, диаметр чаши

— 3,5–4,5 см. Чаши скульптурно вырезаны и в разной степени украшены резным узором, состоящим из простых геометрических форм: линий (Ордеген I), точек и арочных мотивов (Шаманское дерево I). Наиболее изящная и тонкая резьба — на чаше из группового погребения Шаманское дерево I [3, с. 95]. Верхняя часть тулова чаши украшена линией из ряда точек, под ней проходят два опояска из двух прямых параллельных линий. Сразу под вторым опояском, ближе к доньшку, чаша украшена повторяющимся арочным орнаментом со спускающимися отростками в технике рельефной резьбы. В целом декоративные мотивы и технические приемы характерны для якутской резьбы XVIII в., но сочетание гладкой и рельефной резьбы в одном изделии нетипично для изучаемого периода. Как и в случае с трубками с металлическими головками, рассмотренные трубки были обнаружены в голенище обуви погребенных.

Застежка. В мужском погребении Ордеген II Нюрбинского района была обнаружена застежка из бивня мамонта. На погребенном был кафтан с асимметричными фигурными бортами, запахи-вающимися на правую сторону. При этом запах был только в верхней части, на талии широкий левый борт резко прерывался и образовывал ломаную линию, продолжаясь далее прямо по центру. Общий крой кафтана схож с нарядным кафтаном родоначальника мегинских якутов Аба Уос Джорго Идельгиева [10, с. 115]. Р.С. Гаврильева относил подобный покрой якутской одежды к восточноазиатскому типу и находила схожие элементы с монгольской и маньчжурской плечевой одеждой [11, с. 16–17]. Верхняя часть кафтана застегивалась на медные пуговицы, а у пояса — на замок из бивня мамонта типа «тогл» или «костыль». Застежка состоит из двух элементов: кольца и Т-образного штифта. Кольцо каплевидное в сечении, диаметр внешней стороны — 6,4 см, внутренней стороны — 3,8 см. Штифт имеет стилизованную форму с короткой ножкой-основанием и слегка выгнутыми плечами, конец которых оформлен в виде головы лошади. Высота — 1,2 см, длина — 5,6 см. Подобный тип застежки ранее не встречался и требует более подробного отдельного изучения.

Набалдашники посоха. Посохи редко встречаются в якутских погребениях, и, судя по антропологическим данным, их наличие в погребении связано с проблемами опорно-двигательного аппарата упокоенных. Посохи изготавливались из дерева, иногда были составными: деревянная основа с костяным набалдашником. В двух погребениях, известных из полевых отчетов, были обнаружены набалдашники из бивня мамонта. В первом случае изделие обнаружено в погребении князя Болтору Брава в могильнике Оногосчут унгуога Верхневилуй-

ского района Н.Д. Архиповым. Деревянный посох с набалдашником из бивня мамонта был уложен с правой стороны погребенного. Более подробных сведений о набалдашнике, кроме того, что он украшен продольными прямыми насечками, в отчете нет [12]. Второй экземпляр был обнаружен в одном из женских воздушных погребений на р. Батыялах (приток р. Оленек), но, кроме упоминания в газетной статье, более подробных сведений о предмете не найдено [13].

Ложки. Сопроводительный материал часто включает в себя посуду и утварь, тризну. Костяные и деревянные ложки индивидуального характера часто бывают помещены в низкие широкие сосуды или в дорожные сумки. Иногда ложки бывают со специально изготовленными под них чехлами, что, как правило, относится к привозным металлическим ложкам. Ложки чаще всего изготавливались из дерева, реже — из кости. Ложки из бивня мамонта зафиксированы только в двух случаях, и оба в долине р. Оленек. Первая ложка была обнаружена Г.В. Ксенофонтовым в мужском наземном погребении [1, с. 277, п. 11]. Ложка помещена внутрь деревянной чаши, уложенной справа у ног погребенного. Другая ложка была обнаружена в воздушном погребении экспедицией Якутского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры [12]. Среди множества железных орудий, фрагментов листового железа и культовых предметов находилась ложка из бивня мамонта «с 4 бороздками на ручке. Конец ручки украшен двумя параллельными выемками, при сопряжении которых образованно два миниатюрных бугорка» [12]. Исходя из специфики сопроводительного инвентаря, А.Н. Копырин считал, что погребенный мог быть кузнецом. К сожалению, обе ложки не сохранились в музейных собраниях [14].

Палочки. Предметами невыясненного назначения остаются две палочки из мамонтовой кости, обнаруженные в богатой могиле легендарной девы-божества Болугур Айыыта экспедицией Якутского музея под руководством С.И. Боло в Чурапчинском районе. Вот как описаны палочки в протоколе вскрытия могилы: «Напоминают корейские или китайские палочки для еды, но значительно толще их. Нижнее основание палочки толщиной с обычный ученический карандаш. Противоположный конец палочки, постепенно суживаясь, утоплен до половины. Обе круглые, длина 22 см» [15]. Палочки были обнаружены у правого локтя, рядом с ножом с перламутровой инкрустацией. Ни фотографий, ни зарисовок не сохранилось, среди музейных предметов они также не обнаружены. Были они привозными или изготовлены местными мастерами — вопрос открытый.

Зарождение мамонтового промысла и резьбы. Мамонтовая кость стала появляться на рынках Западной Европы как аналог слоновой кости с XVII в. [16]. В XVIII–XIX вв. Россия была одним из главных поставщиков бивня, что связано с промышленным освоением новых костеносных территорий, прежде всего в Якутии. О распространении мамонтового промысла на территории Якутии существуют две точки зрения: согласно первой, позиции добычи бивня мамонта и резьбы по бивню существовали до прихода русских землепроходцев [17, с. 61; 3, с. 9], а другая точка зрения говорит о том, что эти явления были вызваны знакомством с русским косторезным делом, в частности холмогорской резьбой [18, с. 156; 5, с. 8]. Рассмотрим эти позиции более подробно.

По мнению исследователей разных времен, в пользу того, что мамонтовый промысел был известен якутам до прихода русских землепроходцев, свидетельствуют документы XVII в. Так, Н. Верещагин приводил данные смоленского воеводы Мусина-Пушкина 1685 г. об островах устья Лены, где местные жители охотились на моржа с целью добычи и сбыта его клыков [19, с. 36]. Н. Верещагин здесь объединил промысел моржового клыка и мамонтового бивня и предполагал существование этого промысла еще до прихода арктических землепроходцев. Приводят также документ, по которому 1 июня 1652 г. якутскому воеводе Михаилу Ладыженскому была направлена грамота «О сборе служилыми людьми мамонтовой кости по берегам Северного океана» [20, с. 19]. Отметим, что документы относятся ко времени после прихода русских землепроходцев на территорию Якутии и не могут служить веским доказательством в пользу этого предположения. Н.А. Алексеев считал, что в костяных изделиях встречаются схожие мотивы с резьбой по дереву, которая являлась издавна известным якутам искусством. По его мнению, якуты знали косторезное ремесло до прихода русских, и северные народы бассейна среднего течения р. Лена широко применяли в быту мамонтовую кость в XVII в., так как не знали железа [17, с. 61].

Все же, более распространенным является мнение, что мамонтовая кость становится одним из промыслов народов Севера с появлением русских переселенцев в XVII в. С. Шелехов в своей работе упоминает, что прииск мамонтовых костей начался во второй половине XVII в. [21, с. 24]. По мнению Д.Н. Анучина, мамонтовая кость стала предметом промысла на территории Сибири к XVII в., а ко второй половине XVIII в. косторезный промысел получил широкое распространение [22, с. 8]. С.В. Иванов, М.А. Сергеев предполагали, что среди русских переселенцев были косторезные мастера, которые принесли с собой это ремесло в

Якутию [18, с. 156]. По мнению В.Х. Иванова и Л.И. Якуниной, добыча мамонтовой кости в Якутии стала предметом промысла лишь в XVIII в., а до середины 1670-х гг. мамонтовая кость не была предметом промысла и торговли в России в целом [23, с. 14; 3, с. 7]. Рассмотрев данные письменных источников, археологических раскопок и сведений о добыче мамонтовой кости, В.Х. Иванов пришел к выводу о том, что временем зарождения косторезного искусства в Якутии является XVIII в. [23, с. 13–15].

Того же мнения придерживается искусствовед З.И. Иванова-Унарова, выделяя стилистические особенности якутских мастеров в декоративном оформлении изделий и в технике обработки материала [24]. При изучении косторезного дела Якутии XVIII в. отгалкиваются от якутских художественных работ из мамонтовой кости из собрания Государственного исторического музея: двусторонние гребни, подчасник 1764 г. и ларец-теремок 1799 г. На гребне 1743 г. в центре изображены львы с человеческими лицами и единорог, окруженные растительным орнаментом. Подобный сюжет больше характерен для холмогорских мастеров начала XVIII в. Это объясняется тем, что основными заказчиками изделий из мамонтовой кости являлись состоятельные слои городского населения, в особенности приезжие из Центральной России. На подчаснике 1764 г. виден сюжет камлания шаманки, на навершии изображено сердце, пронзенное стрелой, что было также свойственно северорусским резчикам. Об этом же изделии В.Х. Иванов писал, что подчасник можно считать уже самостоятельным произведением якутского костореза, тогда как якутский мастер при изготовлении гребня 1743 г. подражал холмогорским косторезам. В большинстве произведений этого времени содержательная сторона преобладает над декоративной обработкой, что также отличает якутских мастеров от холмогорских. Изделия схематичны, имеют упрощенные формы, отличаются своей лаконичностью и строгим декоративным оформлением [23, с. 16–18]. Помимо этого, переселенцы из России — представители власти, промышленники, купцы, ссыльные — привозили с собой изделия из кости русских резчиков, что способствовало скорому развитию косторезного искусства в Якутии. Направление художественной резьбы из бивня, скорее всего, развивалось в городской среде — месте пересечения культур и развития торговли.

Стоимость сырья. Известно, что добыча мамонтовой кости на территории Якутии в основном проводилась в Верхоянском и Колымском районах, откуда кость вывозилась в необработанном виде в Якутск и далее в другие города и страны. К сожалению, мы не имеем данных о

стоимости изделий из мамонтовой кости в XVIII в., но сохранились сведения о стоимости сырья. Так, в ясачной книге находим следующее: «Остаточных от 726 году десятинного сбора – <...> 2 пуда мамонтовой кости в сутунках – 2 рубля; доправленных на Осипе Ушницком с товарищами недовозной в Иркутск – в отдачу – 6 фунтов моржевой кости и 7 фунтов мамонтовой кости – 1 руб. 25 коп.; на Алексее Зиновьеве с товарищами недовозной в Иркутск – 27 фунтов мамонтовой кости – 50 коп.» [25, с. 57]. В 1799 г. тунгусский купец Осип Шумаков во время поисков костей обнаружил целый труп мамонта. Его бивни он продал за 50 р. (каждый весом около 6 пудов) в 1803 г. купцу Роману Болтунову, который, в свою очередь, продал их купцам, направлявшимся в Москву, по 21 р. за пуд [22, с. 11].

Отношение к мамонту местного населения. В представлениях якутов (как и многих других северных народов) мамонт был связан с подземным миром [26] и считался духом – хозяином воды. Якуты представляли его в виде быка с огромными рогами, и постепенно его образ трансформировался в быка холода, с дыханием которого приходит зима. В якутском обществе до сих пор живы представления о быке зимы и связанные с ним табуированные действия: в некоторых местах запрещено наблюдать за ледоходом, так как при освобождении реки ото льда освобождаются души умерших за зиму и вместе со льдами и частями тела быка холода их уносит в Северный ледовитый океан [27]. Считалось, что мамонты постоянно живут под землей, а выходя наружу, почуяв воздух, сразу же умирают [28, с. 110]. Подобные представления были в ходу у хантов, самоедов, якутов, эвенков в районах, где по большей части находят останки мамонтов. Например, в 1799 г. во время добычи мамонтовой кости один из эвенков обнаружил тушу мамонта. Когда он рассказал об этом домашним, они восприняли это с испугом и рассказали, что такой зверь уже показывался на том же самом месте, и что вся семья нашедшего его эвенка вскоре умерла [22, с. 9–11]. В том же тексте приведено, что, с другой стороны, эвенки старались скрывать тру-

пы мамонтов из опасения, что к ним приедут чиновники, которые будут заставлять их работать, перевозить за сотни верст на оленях эти трупы, и местные могут потерять большое количество оленей [22, с. 11]. У чукчей промысел мамонтовой кости был под запретом, несмотря на ее высокую стоимость. Считалось, что человек, нашедший кость мамонта, «должен заплатить выкуп духу», принеся какую-нибудь жертву [29, с. 38]. Таким образом, в конце XVII – XVIII вв. у народов Сибири, в том числе и у якутов, существовали представления о мамонте религиозного характера, объясняющие происхождение бивней.

Выводы. Проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам. Благодаря промышленному освоению северных территорий Якутии добыча бивня мамонта стала одним из традиционных промыслов народов Якутии к XVIII в. Приведенные выше данные говорят о том, что изделия из бивня мамонта крайне редко встречались в контексте якутских погребальных памятников. Нельзя говорить и о разнообразии предметов, изготовленных из бивня. Возможно, это указывает на то, что вплоть до конца XVIII в. подобные изделия не были в широком ходу внутри якутского общества. Это могло быть связано с отрицательной коннотацией мамонта в религиозных представлениях народов Якутии.

Предметы, обнаруженные в якутских погребениях, существенно отличаются от работ якутских мастеров из собрания Государственного исторического музея того же периода. На наш взгляд, это свидетельствует о существовании двух направлений резьбы из бивня мамонта в XVIII в. Первое основано на традициях и техниках местной резьбы по кости и дереву и имеет самобытный характер. Мастера на местах изготавливали бытовые предметы для местного населения. Второе направление следует обозначить как зарождающееся косторезное искусство, основанное на подражании северной русской школе. Мастера этого направления создавали художественные работы в европейском стиле и постепенно выработали свой собственный стиль.

Литература

1. Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.
2. Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья. Материалы к этногенезу. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1960. 230 с.
3. Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции) / под ред. Э. Крюбеси, А. Алексеева. Якутск: Изд. дом СВФУ, 2012. 226 с.
4. Окладников А.П. Ленские древности. Якутск: Якгиз; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. Вып. 1. 198 с.
5. Бравина Р.И., Архипов Н.Д. Погребальные памятники населения бассейна р. Оленек Якутии (XVII–XIX вв.) // Эхо арктической Одиссеи: судьбы этнических культур в исследованиях ученых-североведов: сб. материалов Всерос. науч.-практической конф. с междунар. участием. Якутск, 2019. С. 85–91.
6. Алексеев А.Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на Северо-Востоке Якутии. Новосибирск: Наука, 1996. 152 с.
7. Баллонов И.В. Медные гребни из фондов Тобольского музея-заповедника // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. Сер. История, филология. 2016. Т. 15. № 7. С. 149–157.

8. Якутские сказки. Саха остуоруйалара. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1967. Т. 2. 284 с.
9. Шаповалов А.В. Табак и курительные трубки в Сибири в XVII-XVIII вв. (по археологическим источникам) // Интеграция археологических и этнографических исследований. М., 1999. С. 210-212.
10. Носов М.М. Одежда и украшения якутов XVII-XVIII вв.: сб. науч. ст. Якут. республ. краеведческого музея. Якутск, 1955. Вып. 1. С. 84-137.
11. Гаврильева Р.С. Одежда народа Саха конца XVII-XVIII вв. Новосибирск: Наука, 1998. 144 с.
12. Архипов Н.Д. Отчет о работе археолого-этнографического отряда ЯГУ летом 1967 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Оп. 1. Д. 4255.
13. Архипов Н. Урэн хоһуун дойдутугар // Кыым. 1985. № 2. 3 янв.
14. Копырин А.Н. Отчет археолого-этнографической экспедиции Якутского республиканского отделения ВООПИиК за 1980 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Оп. 1. Д. 8608.
15. Протокол № 1. Описание предметов, изъятых из погребения якутки «Болугур айыыта» // НА РС(Я). Ф. 1407. Оп. 1. Д. 38.
16. Потравный И.М., Протопопов А.В., Гассий В.В. Добыча бивней мамонта как вид традиционного природопользования // Арктика: экология и экономика. 2020. № 1 (37). С. 109-121.
17. Алексеев Н.А. Обзор развития якутской резьбы по кости: материалы науч.-творческой конф. по вопросам якутского декоративно-прикладного искусства. Якутск, 1966. С. 60-65.
18. Иванов С.В., Сергеев М.А. Изобразительное искусство народов Сибири // Сибирские огни. 1956. № 4. С. 155-168.
19. Верещагин Н.К. Почему вымерли мамонты. Л.: Наука, 1979. 196 с.
20. Приклонский В.Л. Материалы для библиографии Якутской области: сибирский сб. Иркутск: тип. К.И. Витковской, 1893. Вып. 1. С. 24.
21. Шелехов С.О. о начале и развитии сибирской торговли: речь, произнес. в торжеств. собр. Моск. коммерч. уч-ща пансионером Сергеем Шелеховым июня 22 дня 1846. М.: тип. Августа Семена, 1846. 32 с.
22. Анучин Д.Н. По поводу реставрации мамонта для Антропологической выставки: из протоколов заседаний комитета по устройству Антропологич. выставки О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, № 46. М.: тип. Лаврова, 1879. 17 с.
23. Иванов В.Х. Якутская резьба по кости. М.: Наука, 1979. 109 с.
24. Иванова-Унарова З.И. Косторезное искусство Якутии: тенденции развития // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. 2019. № 1. С. 122-133.
25. Акты архивов Якутской области: (с 1650 г. до 1800 г.) / Изд. Якут. Обл. Учен. Архив. Комис.; авт.-сост. и авт. предисл. Е.Д. Стрелов. 1916. (Изв. Якутской Областной ученой Архивной Комиссии). Т. 1. 308 с.
26. Федорова А.Р., Слепцова А.А. Отражение образа мамонта в духовной культуре народов Якутии // Человек и культура. 2019. № 6. С. 164-170.
27. Полевые материалы автора. Прокопьева, 2014. Мегино-Кангаласский р-н РС(Я), с. Майя: Иванова А.А., 1958 г.р.
28. Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692-1695): вст. ст., пер. и коммент. М.И. Казанина. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва, 1967. 404 с.
29. Богораз В.Г. Чукчи. Л., 1939. Ч. 2. 208 с.